

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКВА

1 9 3 1

ЛЕНИНГРАД

Мы живем в пору оживления пушкинских исследований, мы близки к осуществлению удовлетворяющего требованиям научной критики издания Пушкина. Но установление и критическое изучение пушкинского текста выдвигает необходимость воспроизведения динкографическим или фототипическим путем черновых тетрадей Пушкина. Я думаю, что до издания факсимиле пушкинских черновиков мы не будем иметь в руках ни абсолютно правильного текста, ни транскрипций, исчерпывающих содержание черников. Ведь только по рукописям или по их факсимиле мы можем проверить работу издателей, а восстановление всех строк и слов, написанных Пушкиным, не под силу одному исследователю, хотя бы и наметавшемуся в чтении пушкинских рукописей. Необходима совместная работа многих чтецов и разбираателей почерка Пушкина, сопровождающаяся взаимной проверкой.

Действительно, мы неоднократно можем видеть, как прочтенное в первый раз неправильно слово именно в силу этой первой неправильности передавалось в неизменной ошибочности от одного поколения специалистов к другому. Я могу привести два любопытнейших примера влияния первоначальной неправильности. Специалисты долго ломали голову (в последнее время Н. О. Лернер) над стихотворением «Зачем безвременную скуку...». Между прочим, указание на это загадочное стихотворение видели в сохранившемся в черновой тетради (№ 2365, л. 53) пушкинском списке пьес, написанных в 1821 г. Тут, по указанию В. Е. Якушкина («Русск. Стар.» 1883, апр., стр. 103), значится «Плешёву». Значит, или указанное мною стихотворение и есть послание к «Плешёву», или, в противном случае, существовало недошедшее до нас произведение, адресованное «Плешёву» или, правильное (с общего согласия исследователей), Плещееву. Но тут вышла смешная ошибка.

---

¹ Заметки I — III напечатаны впервые в издании «Пушкин и его современники», в. XIII, стр. 163 — 174.

ервая буква этой фамилии под пером Пушкина сначала пришла - было форму П, но он, тотчас перерезав ее горизонтальной черточкой, переделал ее на А и написал: «АлексѢву». Послание же АлексеѢву, как известно, печатается под 1821 годом.

Другой пример не менее интересен. Известны попытки специалистов примирить показания Пушкина о том, в какой день начат «Онегин». В составленном им хронологическом листке четко написано «9 мая 1823 года Кишинев», а в черновой рукописи, как раз перед популярным стихом «Мой дядя самых честных правил», находится помета, по обозначению исследователей: «9 июня 28 мая ночью». Выходит, следовательно, что роман начат 28 мая, а 9 июня, по мнению, например, П. О. Морозова, могло бы означать новый стиль. Но Пушкин не ошибся в своей хронологии, а ошиблись исследователи, прочитав 9 июня вместо, в сущности, довольно явственного 9 мая. В рукописи эти пометы расположены так:

9 мая.

28 мая ночью.

Первая помета есть главенствующая, и, конечно, бесспорно, роман начат 9 мая.

В этих двух случаях мы имели дело со словами, написанными без перечеркивания; гораздо хуже обстоит дело со словами, перечеркнутыми или даже весьма основательно зачеркнутыми. Но ведь исследователи не могут счесть свою задачу конченной до тех пор, пока не исчерпают всего содержания пушкинских черновиков. Тут опять нужны совокупные усилия многих занимающихся. Наконец, по отношению к пушкинским рукописям нужно сказать, что решительно не существует такого метода транскрипции, который упразднил бы необходимость обращения к рукописям. Самые совершенные транскрипции пушкинских черновиков были даны В. Е. Якушкиным в академическом издании сочинений Пушкина, но они не дают того представления о работе поэта, которое дает факсимиле. Справедливость моего мнения о транскрипции пушкинских черновиков разделяют, конечно, все видевшие и изучавшие пушкинские рукописи. Издание факсимиле, несомненно, мощно двинуло бы вперед критическую разработку черновых поэта. Понятно, для строгих исследователей и факсимиле не устранят подлинных рукописей, ибо, как бы ни было совершенно воспроизведение, динкографически или фототипически, все же и оно не уловит всех оттенков рукописи и почерка, разобраться в которых было бы иногда чрезвычайно полезно. Мне кажется, что Пушкинская комиссия при Академии Наук могла бы взять на себя задачу такого издания.¹

¹ Эти строки писаны мной в 1910 году, но и в настоящий день я подерживаю со всей силой заключения, мной высказанные.

А черновики иногда дают возможность установить некоторые факты, имеющие значение для пушкиниста. Вот примеры.

Черновой набросок, по первому своему стиху носящий название: «Кто, волны, вас остановил», был впервые разобран В. Е. Якушкиным в описании пушкинских рукописей («Русск. Стар.» 1884 г., июнь, стр. 555). П. О. Морозов, П. А. Ефремов, С. А. Венгеров воспроизвели в своих изданиях без изменений текст, данный В. Е. Якушкиным, и отнесли отрывок к 1822 году. Исследователи цитируют обыкновенно этот отрывок, когда приходится говорить об эволюции политических воззрений Пушкина. Грозы и бури, к которым взывает поэт, понимаются ими аллегорически, как явления порядка социального, характера революционного. Все эти утверждения касательно интересующего нас наброска — сплошное недоразумение.

Набросок находится в тетради № 2366, на передней странице 9 листа. Из 51 листа, находящегося в этой тетради, львиная доля приходится на черновики 1-й, 2-й и 3-й (начало) глав «Евгения Онегина». На указанной странице, с самого ее верха, карандашом записаны следующие четыре стиха:

Но был ли щастлив наш Евгений
Среди блистательных побед
Среди вседневных наслаждений
Во двете юных пышных лет.

Эти стихи с небольшими переменами появились в XXXVI строфе (стихи 9—12) I главы. За ними в черновике начал, карандашом же, занимающий нас набросок, но докончен он и исправлен уже пером. На левом поле страницы, сбоку последних стихов отрывка, можно разобрать: «вотще ли былъ — душа ... умень, — безпечень и здоровъ, среди пировъ, въ пирахъ». Все это, очевидно, материалы для 13 и 14 стихов печатной XXXVI строфы

Вотще ли был он средь пиров
Неосторожен и здоров?

Сейчас же за наброском, после тире, была начата нынешняя строфа I главы:

Едва проснется он, бывало,
Ему несут записок ряд
Зовут на бал зовут на

Но это начало зачеркнуто, и на его перечеркнутых строках Пушкин начал набрасывать вошедший в нынешнюю XXXVII строфу ответ на вопрос, был ли счастлив Евгений. Ответ этот здесь в первоначальной редакции:

Нет рано чувства охладела
Измены сердцу надоели
И в 20 лет
Уж он оставил модный свет.

После этого стиха Пушкин поставил свой обычный заключительный знак ~ и занялся опять нынешней XV строфой:

[Бывало] [в полдень]

Бывало — [полдень лишь настанет] $\frac{\text{в постеле}}{\text{он еще}}$

К нему записочки несут

и т. д. На этой странице черновики по содержанию своему охватывают стихи 1—8 строфы XV.

Из этого описания 9 страниды очевидно, что набросок никоим образом нельзя относить к 1822 году. Он находится, так сказать, в сердце I главы «Евгения Онегина», а известно, что она начата 9 мая 1823 года и кончена 22 октября того же года. Если бы он еще был записан с самого верха страниды, то тогда можно было бы все-таки думать, что он мог быть в тетради и до начала «Онегина», но при действительном его положении на страниде такое заключение недопустимо; следовательно, даты начала и окончания I главы «Евгения Онегина» являются предельными для нашего наброска: он написан не ранее 9 мая и не позже 22 октября 1823 года. Можно было бы определить время создания наброска еще более точно: строфа XXXIII помечена 16 августа; следовательно, к этому времени надо приурочить и наш отрывок.

Но не случайно наш отрывок набросан после вопроса, являющегося в конце XXXVI строфы и перед ответом на него, который находится в XXXVII строфе. Совершенно очевидна внутренняя (по содержанию) связь отрывка с вопросом, был ли счастлив Онегин, и с отрицательным ответом, указывающим на его охлажденные, остывшие чувства. Отрывок этот запечатлел один из моментов творческой работы поэта: он, в сущности, и заключает ответ на поставленный вопрос, сохраняя следы размышлений Пушкина на любезную ему одно время тему об омертвелости чувств. Ясно, что в этом наброске и помину нет о революционных грозах и бурях. Поэт говорит исключительно о явлениях в области сердца, о сердечных грозах и бурях. Обычное толкование наброска, как призыва к революции, опиралось на 7 стих:

Где ты, гроза, символ [свободы].
Промчись поверх невольных вод.

Но издатели осторожно заключали слово «свобода» в скобки. Действительно, в рукописи после слова символ стоит с трудом разбираемое слово, но оно ни в коем случае не может читаться, как «свободы». Я склонен прочесть тут стихи. Правда «стихи» не рифмуют с словом «вод», но на то ведь и отрывок-то только черновой. Нельзя же, в самом деле, ради рифмы вычитывать несуществующие в рукописи слова. Я уже заметил, что отрывок написан частью карандашом;

фотография плохо передает карандаш, и поэтому я, к сожалению, не могу дать полную транскрипцию отрывка, но я могу все же привести два стиха, непонятным образом скрывшиеся от внимания изучавших рукопись. Они написаны пером с правого бока страницы и должны быть вставлены после 4 стиха на место теперешних точек.

Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость?

Относительно слова «скорбь» у меня небольшое сомнение, верно ли я прочел его. Добавлю, что стихи эти не зачеркнуты. Эти ускользнувшие стихи еще более утверждают нас в мнении, что в отрывке идет речь о бурях сердца, а не о бурях общественных.¹

III

1. Завидую тебе, питомец моря смелый,
2. Под сенью парусов и в бурях поседелый!
3. Спокойной пристани давно ли ты достиг,
4. Давно ли тишины вкусил отрадный миг?
5. И снова ты бежишь Европы обветшалой:
6. Ищи стихий других, земли жилец усталый!
7. Приветствует тебя свободный океан ...

(По изданию С. А. Венгерова, т. II, СПб. 1908, стр. 81.)

П. В. Анненков, говоря в своих «Материалах для биографии Пушкина» (в изд. соч., т. I, стр. 343, и отд. изд., стр. 344) об оставшихся после Пушкина черновых, неотделанных набросках стихотворений, в примечании добавляет: «В бумагах Пушкина сохранилось еще несколько отрывков из посланий к друзьям, нигде не напечатанных... Мы не имеем возможности привести здесь урывки, которые, статья может, совсем не похожи на настоящие стихотворения». И, «как пример такого послания к одному из товарищей порта», Анненков привел стихи 1—5 наброска, приведенного мною, с заглавием «К М*». В указателе же он раскрыл этот инициал, назвав Матюшкина (т. VII, стр. 166). Этот набросок известен нам ныне по черновой тетради № 2369, л. 12, но без заглавия. Не совсем ясно, по этой ли тетради напечатал его Анненков (в таком случае, усвоение его Матюшкину — только предположение Анненкова), или по другой рукописи, нам неизвестной, в которой было уже обозначение «К М.*» (в таком случае, Анненкову принадлежит только предположительное истолкование значения инициала). Но, так как Анненков говорит о черновом, неотделанном виде наброска, а как раз такой набросок мы и имеем

¹ Мне не кажутся убедительными возражения П. О. Морозова, направленные против моего толкования, см. Соч. Пушкина, Изд. Академии наук, т. III. СПб. 1912, стр. 238—240.

в тетради № 2369, то скорее всего придется заключить, что у Анненкова другого списка и не было, и что отнес он набросок к Матюшкину по собственному предположению. Непосредственно по этой тетради сообщил этот отрывок впервые П. И. Бартенев. Так как тетрадь заключала и стихотворения Кишиневского периода, то набросок отнесен к 1821 году, и неизменно во всех изданиях поэта (так же, как и в «Материалах» Л. Н. Майкова) печатается под этим годом. Но вместе с тем, так как, по замечанию П. А. Ефремова, в 1821 году 20-летний Ф. Ф. Матюшкин никак не мог быть назван «в бурях поседелым» (Соч. II, изд. 8-е, Анского, 1882 г., т. 2, стр. 23), этот отрывок уже не усвоится Матюшкину. П. И. Бартенев присоединил к 5 стихам, данным Анненковым, еще и 6-й стих, а Л. Н. Майков в «Материалах для Академического издания сочинений Пушкина» (СПб., 1902, стр. 141) прибавил и 7-й стих.

Последний издатель Пушкина С. А. Венгеров напечатал этот отрывок среди черновых набросков 1821 года, но автор данного в этом издании примечания к этому отрывку, Н. О. Лернер (стр. 583), присоединяясь к указанию П. А. Ефремова на невозможность относить эти стихи к Матюшкину, говорит: «Может быть, Пушкин сам относит их не к определенному лицу, а к типу старого моряка, «морского волка». Они находятся среди черновики первой главы «Евгения Онегина», начатой в 1823 году, и, может быть, их с большим основанием можно датировать 1823 годом, чем 1821 г.»

Оставляя в стороне «морского волка», которым Н. О. Лернер пополнил и без того чрезмерно обильный материал предположений вокруг и около пушкинского творчества, останавливаюсь на его указании хронологическом. Это указание ошибочно с методологической точки зрения. Н. О. Лернер сам знает, что Пушкин пользовался своими рукописями вне всякого порядка и системы, и заключения об одновременности создания разных стихотворений, записанных на одной и той же странице, должны приниматься после осторожного критического разбора. Как раз в данном случае оказывается не приемлемым это правило. Из описания этого листа тетради (см. «Русск. Стар.» 1884 г., июнь, стр. 556) Н. О. Лернер мог бы узнать, что этим отрывком занято начало страницы, а за ним уже идут черновые наброски к I главе «Онегина». Следовательно, такое положение отрывка в рукописи не дает нам права заключить, что отрывок написан в одно время с I главой «Онегина»: весьма вероятно, что это начало страницы было уже им занято, когда Пушкин стал набрасывать на ней строфы I главы. Это положение отрывка может дать нам только одну достоверную дату, позже которой он не был написан, — а дату, раньше которой он не был написан, придется уже разыскивать по другим данным. Так как в этой тетради есть и произведения 1822 года, то, следовательно, можно относить отрыв-

вок и к этому году, но для отнесения его к 1821 году не годится и эта аналогия совместности.¹ Произведений 1821 года нет совсем в этой тетради. На внутренней стороне передней крышки переплета есть помета руки Пушкина «27 мая 1822. Кишинев». И положение, и самый вид этой пометы не позволяют ли думать, что она означает тот день, в который заведена эта тетрадь?

Так как положение отрывка в рукописи не даст нам определенных оснований для хронологии, то надо искать их при помощи иных приемов. Отрывок, действительно, писан в 1823 г., в Одессе, в период создания последних строф I главы «Онегина», особенно ее строфы 2-й.

Если только в распоряжении Анненкова не было другого, неизвестного нам списка этого отрывка, то можно с достоверностью утверждать, что Пушкин никогда не видел перед собою такого наброска, который мы читаем в наших изданиях. Он в действительности исчеркан, не закончен и не отделан, а ежели о стихах 1—4 можно сказать, что их можно извлечь из черновика, то для редакции стихов 5—7 не найдется достаточных оснований. Нынешний 5-й стих вовсе не следует в рукописи за 4-м; «две строки, как заметил еще Л. Н. Майков (Матер., 141), после стиха 4-го в рукописи сильно перечеркнуты и не поддаются разбору». Я не имею в виду дать точную транскрипцию, но не могу не указать, что из этих двух полужа черкнутых строк можно разобрать:

Дай руку — для тебя [меня?] насталь ...
Для неба дальняго, для новыхъ странъ.

Для моей цели самое интересное и главное — это чтение нынешнего 6-го стиха.

Ищи стихий другихъ, земли жилецъ усталою!

Такого стиха в рукописи нет. Первоначально этот стих был написан Пушкиным так:

Стихий другихъ ищу — земли жилецъ усталою,

затем Пушкин зачеркнул в нем слово ищу и написал это же слово в начале стиха; кроме того, он зачеркнул слово усталою и заменил его не совсем разборчивым словом, которое я читаю остылою. С этими исправлениями стих читается так:

Ищу стихий другихъ — земли жилецъ остылою.

¹ Явное недоразумение, не требующее даже разъяснения, в мотивировке приурочения у Л. Н. Майкова (Мат., 141). «К 1821 году отнесено потому, что находится в Музейной рукописи между черновыми строфами 1-й главы «Онегина».

7-й стих также прочитан неверно; для нынешнего чтения нет оснований; скорее его надо прочесть:

Привѣтствую тебя свободный Океанъ.

Но не буду настаивать на предлагаемых мной чтениях конца 6-го стиха и 7-го стиха. Нет никакого сомнения, что 6-й стих надо читать «Ищу стихий других», а не «Ищи» и т. д. Следовательно, в этом стихе Пушкин говорит о себе. Весь отрывок освещается светом внутренней, интимной жизни поэта и представляется лишним свидетельством о намерении «начать вольный бег по вольному распутью моря». При внутренней же связи этого отрывка с 11 строфой 1-й главы «Онегина», можно, пожалуй, обратить внимание и на положение его в тетради, которое весьма правдоподобно может объясняться одновременностью возникновения тем.

Выводы из сделанных наблюдений: отрывок 1) писан в 1823 году и 2) требует еще известной работы по установлению транскрипции и текста. ¹

IV²

Отрывок «На холмах Грузии лежит ночная мгла» написан Пушкиным во время путешествия на Кавказ в 1829 году. Он находится в рукописной тетради, заведенной поэтом во время этого путешествия и наполненной, главным образом, произведениями, относящимися к этому путешествию. В этой тетради отрывок датирован 15 мая и находится рядом со стихотворением «Калмычке», имеющим помету 22 мая 1829. Таким образом дата устанавливается точно и несомненно. И. А. Шляпкин напечатал этот отрывок по черновой музейной тетради и по автографу, который он нашел в Берлинской королевской библиотеке. ³ И. А. Шляпкин пытается ввести нечто новое по поводу этого стихотворения: во-первых, он подрывает хронологию стихотворения, а во-вторых, объявляет окончательной берлинскую редакцию.

Мы видели, что известная нам дата не допускает сомнений, а между тем Шляпкин вносит свои подозрения: перед стихотворением он ставит «май 1829?», а заканчивая комментарий, сообщает, что оно вошло в издания «с пометой 15 мая 1829 года — не 1830 ли?» Всякое предположение должно иметь какие-либо, пусть даже ошибочные основания для своего возникновения,

¹ В III томе академического Пушкина П. О. Морозов дал транскрипцию (не совсем удовлетворительную) и по соображениям, совсем не убедительным, отнес отрывок все же к 1822 году.

² Эта заметка впервые напечатана в «Известиях Отд. рус. яз. и слов. имп. Акад. Наук» 1903 г., т. VIII, кн. 4, стр. 376 — 379.

³ И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг Пушкина. СПб. 1903 г., стр. 7—8.

но Шляпкин не дает никакого ключа к своей догадке. Мы совершенно отказываемся понять мотивы предположения Шляпкина и думаем, что издателю не следовало бы плодить недоумений в своем читателе. Еще одно соображение: в мае 1830 г. Пушкин был в Петербурге. Отрывок имеет, несомненно, автобиографическое значение. Вряд ли Пушкин, находясь в 1830 г. в Петербурге, стал писать: «Шумит Арагва предо мною»? Этим стихотворением поэт запечатлел совершенно определенный момент своей жизни.

Отрывок напечатан при жизни Пушкина в «Северных Цветах» на 1831 год. Эту редакцию, единственную напечатанную поэтом при жизни и вошедшую в наши издания, мы должны принимать за окончательную. Шляпкин предлагает считать окончательной берлинскую редакцию; такое мнение, если бы оно оказалось верным, должно бы повести к важным изменениям в тексте сочинений Пушкина. Издатели Пушкина обязаны были бы вместо печатаемого ныне текста печатать берлинскую редакцию. Подобное заявлѣние должно иметь за собой веские основания в особенности потому, что мы имеем печатный текст, установленный самим поэтом. К сожалению, в подтверждение своего мнения Шляпкин опирается только на результаты произведенного им эстетического анализа стихотворения. Эстетический анализ — дело трудное, требующее особых дарований, художественного чутья в том, кто к нему приступает. Нужно сознаться, что анализ совершенно не удался Шляпкину и не обнаружил наличности художественного понимания. Для того чтобы читатель мог в совершенстве оценить этот анализ, приведем параллельно обе редакции: на левой стороне — берлинскую, на правой — печатную:

На холмы Грузии ночная тень легла,

Шумит Арагва предо мною.

Мне грустно и легко; печаль моя
светла,

Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой ... мечтанья моего

Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце живо вновь и любит —
от того,

Что не любить оно не может.

На холмах Грузии лежит ночная
мгла ...

Шумит Арагва предо мною.

Мне грустно и легко; печаль моя
светла;

Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья
моего

Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит —
от того,

Что не любить оно не может.

В печатной редакции вполне выдержан основной тон стихотворения. Поэт необыкновенно тонкими штрихами рисует один момент — печаль любви, неразделенной или неудавшейся. Это — особая печаль, светлая и легкая; ничто не мучит, не развлекает этого состояния печали — уныния; и именно потому, что не мучит и не развлекает, сердце вновь горит и любит. И вот что нашел возможным написать Шляпкин: Слова печатной редакции:

«Мне грустно и легко» как-то не ладит со словами: «Унынья моего ничто не мучит, не тревожит». Унынье — такая вещь, которая не легко переносится. Слова «Не мучит, не тревожит» нейдут к дальнейшим: «И сердце вновь горит». Вот почему нам лично берлинская редакция кажется лучшей». Что же сказать о таком анализе? Остается только удивляться, почему Шляпкин не продолжал анализа и не укорял Пушкина в бессмысленном сочетании двух противоречивых понятий: «мне грустно и легко» и «печаль моя светла»? Ну, в самом деле, печаль не такая вещь, которая бы заключала в себе свет, а в грусти нет ничего легкого! Думаем, что соображения И. А. Шляпкина не доставят хлопот издателям Пушкина; по-прежнему мы будем читать, как окончательную, нынешнюю печатную редакцию, а берлинская редакция поместится в примечаниях, как первоначальный набросок.

К кому относится это стихотворение? Издания относят его к жене поэта Н. Н. Гончаровой (см. изд. 1882, т. II, стр. 412; литер. фонда, т. II, стр. 66). Это — одно из тех предположений, которые не имеют за собой фактических подтверждений. Черновые наброски стихотворения, напечатанные Шляпкиным по рукописи Всесоюзной библиотеки им. Ленина (б. Румянц. Музея) № 2382 л. 107₂, позволяют нам окончательно исключить возможность приурочения стихотворения к жене поэта.¹ За известными нам восемью строками идут следующие наброски (в скобках зачеркнутое):

Прошли забытые
 Дни многих дѣтъ
 Гдѣ вы [знакомы] бездѣвныя созданья
 Иные далеко, иныхъ ужъ въ мѣрѣ нѣтъ !
 [Вновь, я снова] Я твой по... я вновь тебя люблю.
 И безъ надеждъ и безъ желаній
 [Безъ темной ревности]
 Чистая моя любовь
 И [тихий жаръ моихъ] пышность дѣвственныхъ мечтаній

Со мной одни воспоминанья.

Эти фразы о возрождении прежней любви, связанные с воспоминаниями о прошлом («я твой по... я вновь тебя люблю» —), не могут относиться к Н. Н. Гончаровой; в отношениях Пушкина к ней еще не было прошлого. Пушкин был в это время страстно влюблен в нее; перед отъездом на Кавказ в 1829 году он сделал через Ф. Толстого ей предложение и получил отказ. Вот уж о любви своей к Н. Н. Гончаровой поэт не мог сказать, что он любит «без желаний»! Но к кому же

¹ Кстати, почему Шляпкин, точно воспроизводящий черновую, не привел даты «15 мая», которая совершенно определенно дана в «Описании пушкинских рукописей» Якушкина, «Русск. Стар.», 1884 г., ноябрь, стр. 371.

тогда можно отнести это стихотворение? Вопрос остается открытым, и, по всей вероятности, представит не мало затруднений для биографов. Во всяком случае, наш отрицательный вывод дает биографическую черточку и имеет значение.

В 1903 году я находил невозможным итти дальше отрицательного вывода. В позднейших работах этот вывод был принят исследователями. Н. О. Лернер в комментарии к стихотворению писал: «Вопреки давно укоренившемуся мнению, что Пушкин обращался в этом стихотворении к оставленной в Москве Н. Н. Гончаровой, П. Е. Щеголев основательно указал, что находящиеся в окончательном тексте и в музейной рукописи «фразы о возрождении прежней любви, связанные с воспоминаниями о прошлом («я твой по ... я вновь тебя люблю»), не могут относиться к Н. Н. Гончаровой; в отношениях Пушкина к ней еще не было прошлого... Но к кому же тогда можно отнести это стихотворение?»¹ Поставив этот вопрос, Лернер легко отражает приурочение Ефремовым наброска к одной из сестер Ушаковых указанием на то, что в их отношениях к поэту было еще менее «прошлого». Затем Лернер обращается к соображениям, высказанным Е. Г. Вейденбаумом. Вот они:² «Было высказано предположение, что стихотворение это относится или к Н. Н. Гончаровой, или к Ушаковой, предгончаровскому увлечению поэта. Мне кажется, что источника его надо искать во времени еще более отдаленном. Посещение Горячих вод живо напомнило Пушкину 1820 год, когда он жил там с семейством Раевского. Вот что пишет он о впечатлении, произведенном на него Пятигорском в 1829 году: «С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд; я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною Ал. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...» Нарисованная здесь картина наступающей ночи повторена почти теми же словами в «Отрывке» первой редакции: «Все тихо; на Кавказ идет ночная мгла; восходят звезды предо мною». Пушкин, под влиянием воспоминаний о 1820 г., с грустью оставил воды. «Отрывок» также проникнут грустным настроением.

Черновые наброски к этому стихотворению показывают, что воспоминания поэта относятся к давнему времени. Так в одном из них сказано: я снова юн и твой. В другом поэт говорит о забытых днях, о многих годах. Нако-

¹ Пушкин — Венгеров, т. V, стр. XXVIII.

² «Русс. Арх.», 1905 г., кн. I, стр. 676.

нец, сюда же, кажется, следует отнести и черновой набросок, помеченный 25 Мая (1829) К о б и:

Благословен и день и час,
Когда в горах ... Кавказа
Судьба соединила нас.

Итак, «отрывок» навеян посещением Кавказских вод. В первой редакции набросан он Пушкиным 15 мая 1829 г. немедленно после возвращения с вод в Георгиевск. Поэт вспоминает о женщине, владевшей его сердцем много лет назад, когда он был еще юношей, и благословляет день и час, когда судьба соединила его с предметом любви в горах Кавказа. Надежды, желания и ревность, когда-то волновавшие поэта, давно оставили его, и в сердце сохранились только чистая, девственная любовь и светлая печаль о прошлом.

Все это дает основание заключить, что стихотворение внушено воспоминанием об Елене Николаевне Раевской, с которой Пушкин в 1820 г. провел несколько месяцев на Кавказских водах и в Крыму».

Цитируя рассуждения Вейденбаума и, между прочим, опуская последний их абзац, Лернер умозаключает: «Сравнивая эту любовь, без надежд, желаний, темной ревности, с другими увлечениями, предметы которых были далеко (напр., Ворондова), или уже в ином мире (намек на Ризнич), поэт переживает особое, просветленное чувство, — и только в такие моменты сознает себя достойным этой любви и скорбит, что его душа «не всегда чиста, печальна и спокойна». Такая любовь в его жизни была только одна, — и ее-то, вероятно, он и обозначил в своем «Дон-Жуанском списке» таинственными буквами NN. Лернер признает «ужасную» любовь Пушкина, считает предметом ее «NN» и около NN группирует решительно все те поэтические и прозаические признания Пушкина, которые, на основании пристального анализа в «Разысканиях» отнесены мной к М. Н. Раевской-Волконской. Но Лернер, не приняв моего вывода, предпочел остаться с таинственными знаками. Отрывок «на холмах Грузии» в «Разысканиях» остался вне поля моего зрения; при моем согласии с расценкой Вейденбаума, мне остается сделать логический вывод и приурочить его, конечно, к одной из Раевских, но по соображениям, развитым в «Разысканиях» отнести его не к Елене, а к М. Н. Раевской. Но если Лернер признает попытку Вейденбаума очень удачной, то и ему следовало бы сделать тот же логический вывод, а не дублировать предмет угаденной любви.